

НАСТЯ
ЛЮБИМКА

Редакционно-издательская группа
«Жанровая литература»
представляет серию «НЕОБЫКНОВЕННАЯ МАГИЯ»

Франциска Вудворт
«Мой снежный князь»
«Мой снежный князь. Строптивница для лэрда»

Настя Любимка
«История бледной моли»
«Я люблю тебя больше жизни»

Ева Никольская
«Моя темная половина»

Алиса Ардова
«Мое проклятие. Право на счастье»

Александра Лисина
Цикл «Артур Рэйш»
Кн. 1 «Когда темные боги шутят»
Кн. 2 «Охотник за душами»
Кн. 3 «Жнец»
Кн. 4 «Темный маг»

НАСТЯ
ЛЮБИМКА

Я ЛЮБЛЮ
ТЕБЯ БОЛЬШЕ
ЖИЗНИ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л93

Серийное оформление – *Екатерина Петрова*
Иллюстрация на обложке – *Ирина Круглова*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя
запрещается.

Любимка, Настя.

Л93 Я люблю тебя больше жизни : [роман] / Настя
Любимка. – Москва : Издательство АСТ, 2019. –
320 с. – (Необыкновенная магия. Шедевры Рунета).

ISBN 978-5-17-983144-0

Павел мечтал попасть в мир Аскар, где плата за вход –
жизнь влюбленной в него девушки. Так Оксана стала рабыней,
а Паша получил желаемое – магический дар и новую жизнь.
Вот только Оксана не согласна с таким положением и будет
бороться за свою жизнь и за свою независимость!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-983144-0

© Н. Любимка, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

... ГЛАВА 1 ...

Я порхала по кухне, как бабочка над цветами, с лица моего не сходила улыбка. Еще бы! Я была невероятно счастлива. Сегодня ровно год, как мы с Пашей решили жить отдельно от родителей. Ровно год наших волшебных во всех смыслах отношений.

Готовя его любимые блюда, предвкушала незабываемый вечер и ночь, полную ласк и страсти.

Мне до сих пор не верилось в собственное счастье. Паша — моя первая любовь. С того самого момента, как встретила его на лестничной клетке. Старше меня на два года, высокий худой брюнет с необыкновенными пронзительно-голубыми глазами. Такая редкость — голубоглазый брюнет! Мой сосед, а теперь мой возлюбленный.

В нетерпении поглядывала на часы, мысленно подгоняя время, желая ускорить нашу встречу, — он вот-вот должен был прийти с работы. Глянув на себя в зеркало, довольно улыбнулась. Обновив помаду на губах, подмигнула, успокаивая себя.

Сердце неистово билось весь день, словно предчувствуя что-то потрясающее. И мои мысли были о скором замужестве. Уже три года, как мы встречаемся, и год, как живем вместе. Надеюсь, Паша сделает мне предложение, я даже намекнула об этом маме в телефонном разговоре.

Заслышав звук поворачивающегося в замке ключа, поспешила любимому навстречу.

Огромный букет белых роз с тугими бутонами, перевязанный красной лентой, на секунду отвлек мое внимание от самого лучшего в мире мужчины.

— Оксана, — обняв меня за талию и целуя в висок, выдохнул Паша, — я соскучился.

— Я тоже, — прошептала, прижимаясь к его груди.

Терпкая смесь ароматов парфюма и пряностей из магазина, в котором он работал. Я вдыхала запах, слышала биение сердца в его груди, и моя голова шла кругом.

Букет был отброшен на тумбочку в прихожей.

— Ты необыкновенная, — не отстраняясь, Паша разулся и стащил с себя куртку.

Жадный поцелуй, и мои руки сами потянулись снять с него рубашку. Запланированный ужин был мгновенно забыт. Легко подняв на руки, любимый перенес меня в спальню и бережно опустил на кровать. Волна желания затопила разум. Невесомые поцелуи тянулись цепочкой по моим плечам и шее, объятия становились крепче.

— Ты любишь меня? — хриплый шепот у самого уха.

— Люблю, — промолвила, прижавшись к нему сильнее. — Очень-очень.

— Больше жизни? — Горячие губы пробежались по щеке и вернулись к моему рту. Нежный поцелуй длился всего несколько секунд, что вызвало у меня разочарованный стон. Мало. Хотелось больше. Дольше и глубже.

— Я люблю тебя больше жизни, — заглядывая в пронзительные голубые глаза, прошептала и потянулась за новым поцелуем.

Но, вместо того чтобы податься мне навстречу, Паша с силой придавил мои запястья к кровати. Испуганно вскрикнула и дернулась, но любимый держал крепко.

— Паша?..

Ответом мне послужили гортанно выкрикнутые звуки. Чудились в них и рычание льва, и скрежет металла.

А в следующий миг стало не до странного Пашиного поведения. Комнату заволокло клубящейся тьмой. Она стремилась ко мне, проходила сквозь предметы и даже мужское тело. Всего секунду назад я лежала на кровати, а теперь стремительно куда-то летела. Павла не видела, но чувствовала на себе его тяжесть.

От страха пересохло во рту. Если бы смогла кричать — кричала бы.

Падение не продлилось долго. Сильно ударившись спиной о холодный камень, чудом не потеряла сознание. Голова раскалывалась от боли. Следом на меня упал Паша, и я опять приложилась об пол. Перед глазами плясали искры. Я ничего не видела и, как слепой котенок, ища защиты и помощи, жалась к любимому. Пока судорожно за него цеплялась и пыталась открыть глаза, кто-то произнес:

— Это последний.

— Седьмой ходок, — заключил незнакомый голос.

Издав радостный вопль, Паша, не церемонясь, отодрал от себя мои руки и вскочил. При этом он наступил мне на живот, но словно не заметил ни моего стога, ни шока.

Смахнув выступившие слезы, приподнялась и открыла глаза. Голова кружилась, но я все равно попыталась рассмотреть, куда попала.

Взгляду предстала большая комната, разделенная на две части. На одной половине — мы с Пашей, на другой — мужские фигуры в белых плащах и такого же цвета обезличенных масках. Нас отделяло сооружение, похожее на шлагбаум, сотканный из сгустков тумана.

— Ходок с Земли, представься. — Медленно обернулась на голос, едва не взыв от боли в спине и голове.

Человек, потребовавший назваться, внимательно посмотрел на меня.

Невольно почувствовала себя голой, хоть и была в платье. Черные глаза смотрели холодно и надменно. И слов не нужно, чтобы понять: видеть нас не рады, а меня уже заочно презирают.

— Павел Санников, — срывающимся от волнения голосом произнес мой любимый.

— Вы совершили ритуал перехода. Условия выполнены, вы готовы стать частью мира Аскар? — спросил уже другой мужчина.

— Да! — радостно выкрикнул Паша и рванулся к туману.

— Девушка подходит в качестве платы, — возвестил шагнувший ему навстречу, — она станет рабыней.

Вздрогнула и впиалась взглядом в того, кто прочил меня в рабыни. Что происходит? Что значит — стану рабыней? Может, мне все это снится? На дрожащих ногах поднялась — и как силы нашлись? — покачнулась, но устояла.

— Паша! — позвала срывающимся голосом. — Паша, где мы?

— Я согласен, — даже не обернувшись, объявил он личностям в масках.

Сердце сжалось от боли. Я никак не могла убедить себя в реальности происходящего. Еще минуту назад жадно целующий меня мужчина превратился в чужого, холодного и безжалостного незнакомца.

А я все равно не верила. Просто не верила в это! Так не бывает!

— Вы можете взять ее с собой, но тогда получите только половину силы, — сделал новое предложение один из присутствующих.

— Нет, она мне не нужна. — Чудовищные слова прозвучали приговором. Колени подкосились, и я упала на пол. По щекам ручьем лились слезы, а я все еще надеялась на чудо.

— Да будет так! — хором возвестили мужчины, и туман между нами рассеялся.

Любимый направился к неизвестным, а для меня воцарилась тьма. Больше никого не видела и не слышала, мной овладели страх и отчаяние. Я еще долго кричала и звала Пашу, обнимая руками колени и размазывая по щекам тушь и помаду. Просто не могла поверить, что меня оставили в качестве платы. И за что? Спина горела огнем, голова гудела, и дрожь сотрясала все тело.

Не знаю, сколько это продолжалось, но вдруг вспыхнул свет, и двое мужчин без лишних слов схватили меня и потащили прочь из комнаты. Я брыкалась и пыталась высвободиться, за что тут же получила тычок в бок и притихла.

Темные коридоры, лестницы — все слилось в одно мрачное пятно. Но, увидев, куда меня привели, сделала последнюю отчаянную попытку вырваться. Новый удар в спину, с губ слетел стон, и я перестала брыкаться. Меня втолкнули в одну из камер и захлопнули дверь-решетку.

В такой же камере напротив на соломе лежала девушка и поскуливала. Справа и слева тоже доносились всхлипы и завывания. Я не единственная, кто оказался пленницей!

Может, именно шоковое состояние сыграло свою роль, но реветь я перестала и, прижавшись к холодным прутьям камеры, лихорадочно вспоминала все фразы, произнесенные в той роковой для меня комнате.

Ходок с Земли. Седьмой, и последний. Ритуал перехода. Какая-то сила. И я в качестве платы. Раз за разом прокручивала эти слова в голове, но совершенно ничего не понимала. Стражник замахнулся, и я отпрянула от решетки.

Сжавшись в комочек на соломе, попыталась абстрагироваться от происходящего, чтобы хоть как-то убаюкать головную боль и ноющую спину, и сама не заметила, как уснула. Мне снился незнакомый мужчина. Он что-то шептал, склонившись надо мной, но я не понимала ни слова, да и лица его не видела.

Проснулась от скрипа открываемой двери. Лязгнул ключ, вошел один стражников.

Что странно, спина, как и голова, больше не болела. Словно кто-то невидимый подлечил. Пронзила мысль, что незнакомец не приснился, а действительно приходил ко мне, чтобы вылечить измученное тело. Но она промелькнула и пропала.

Стражник молча поставил на пол поднос с тарелкой каши и кружкой воды и сразу вышел, запирая за собой замок моей клетки.

Не сдвинулась с места. Завывания таких же, как и я, пленниц не прекращались. Думаю, именно благодаря горю сестер по несчастью я и сдерживалась, не впадая в отчаяние и не вопя, как они: слезы не дадут ответа и ничего не изменят. Да, все казалось мне лишь кош-

маром, но ободранные в кровь колени и ладони давали ясно понять, что это не игры моего воображения. Я действительно оказалась в другом мире, и меня предал любимый человек.

Вторя моему горю, слева раздались стенания еще одной обманутой девушки. Сжала кулаки до хруста. Как они сказали? Стану рабыней? Не нужна, значит?

Пересилив себя, дотянулась до подноса. Нельзя сдаваться. Я должна найти способ вернуться домой. К маме и папе.

Мысль о родителях окончательно меня отрезвила. Сколько я уже не видела маму? Больше года? И мне не казалось странным общаться с ней лишь по телефону, хотя мы и жили в одном городе. Паша настаивал, чтобы я тратила меньше времени на посиделки в гостях. И неважно у кого, родителей или подруг. В итоге у меня не осталось даже тех, кого можно назвать приятелями. Стараниями Паши и благодаря моей безбашенной любви мой круг общения сузился до одного человека.

Интересно, почему именно сейчас я так ясно это осознала? Ответ напрашивался сам собой: тот, кто заменил мне вселенную, оставил меня.

Ничего, свои боль и горе я обязательно выплачу в баре за бокалом чего-нибудь крепкого. А сейчас... нужно ждать развития событий.

Понюхав кашу, взяла ложку и медленно, запихивая в себя варево, начала есть. Мне еще понадобятся силы. Одним глотком осушив кружку с водой, с громким стуком поставила ее на поднос.

Девушка напротив все так же цеплялась за прутья и кого-то звала. Она давно сорвала голос и теперь только хрипела. Я вздрогнула и отвернулась. От подобного зрелища внутри все переворачивалось. Еще хуже было оттого, что и сама я находилась в точно таком же положении.

Решив хоть как-то отвлечься от боли сокамерниц, стала изучать место заточения. Небольшая комната, пол устлан соломой, в углу маленькая неприметная дверь. Заинтере-

совавшись, куда она может вести, толкнула ее и тут же захлопнула. Вот и вопрос с туалетом решен. Я словно перенеслась на место своей практики, в деревеньку, где все удобства — отхожее место и баня — были на улице.

Прислушавшись к организму, поняла, что по естественным надобностям мне не нужно. Опустилась на подстилку, легла, свернувшись калачиком, мимолетно отметив, что солома свежая, а не прелая и залежавшаяся. Попыталась заснуть, чтобы заглушить мысли.

Попасть в средневековый мир, где люди обладают магией, — что может быть хуже?

«Стать рабыней», — тут же ответила на свой вопрос и едва слышно всхлипнула.

Пока никто не предъявляет на меня права, бояться нечего. Нас заперли здесь, причем явно не на час, раз и отхожее место имеется, и еду принесли. Следовательно, если за нами и придут, то точно не сегодня. И, честно говоря, я этих людей понимала, зрелище в камерах не для слабонервных, да и девушек вряд ли можно назвать адекватными.

Так под стенания и хрипы других пленниц я и уснула, то и дело вздрагивая во сне. Сквозь дрему слышала удивленный возглас пришедшего за подносом стражника, но поленилась открывать глаза, чтобы узнать, с чем удивление связано. Перевернувшись на другой бок, лицом к стене, глубже зарылась в солому в попытках согреться. Из одежды на мне было тонкое платье на бретельках и кружевные трусики, к сожалению, достаточно тепла дать они не могли. Наконец я сумела отключиться от реальности, проваливаясь в сновидение без снов.

Два последующих дня слились в одно сплошное пятно. Узницы полностью сорвали голоса и совершенно обессилили. Все, кроме меня, отказывались от еды, именно этому и удивлялись стражники, которые даже приходили посмотреть, как я ем.

Если в первый раз тихо бесилась от цирка, который они устроили, то потом даже извлекла пользу для себя.

Не знаю, что сыграло решающую роль, то ли мое желание выжить, то ли отсутствие истерик, но стражники, пришедшие понаблюдать за процессом поглощения пищи, приносили с собой вещи. Так у меня в камере появились одеяло, теплый плащ и длинная юбка, которая при желании могла и за платье сойти.

Я, правда, пыталась намекнуть мужчинам, чтобы хоть кувшин воды оставили, а не одну кружку приносили, но меня не понимали. Да и их речь мне была незнакома — гортанные длинные звуки, чем-то напоминавшие речь индейцев в одном из фильмов семидесятых годов.

Еду нам приносили три раза в день. И всегда были каша и кружка воды. По моим внутренним часам, завтрак начинался в девять утра по московскому времени. Бывало, стражники запаздывали на полчаса, но еще никогда не задерживались, как сегодня. Уже не только завтрака, но и время обеда прошло! Желудок громко возвестил всей камере, что его забыли покормить. А еще невыносимо хотелось пить. Я прижалась к решетке, прислушиваясь, не идет ли кто по коридору, однако расслышала лишь возню соседей.

Как выяснилось, помимо девушек здесь были и парни. Но, в отличие от нас, они не всхлипывали и не звали своих любимых, а тихо переговаривались между собой. Жаль, я ни слова не разобрала!

Нарезая круги по камере, старалась не думать о том, что нас оставили умирать. Пусть лучше просто забыли. Может, там, наверху, праздник какой-нибудь. Но чем больше проходило времени, тем сильнее я себя накручивала. Ни утром, ни днем, ни вечером никто не пришел. Я уже жалеть начала, что вообще здесь ела, наверняка за дни добровольного голодания желудок привык бы к отсутствию пищи.

Вновь прильнув к решетке, решила попробовать поговорить с блондинкой из камеры напротив. Конечно, страдальца охрипла, но даже один кивок, что она меня услышала, доставил бы невероятную радость.

— Девушка, вы меня понимаете?

Ноль реакции. Барышня не шевелилась, продолжая лежать на соломе.

— Девушка! — громче позвала я. — Вы слышите?

Паника накрыла с головой. А что, если ей стало плохо? Сколько там, по словам ученых, человек может обойтись без воды и еды?

— Девушка! — заорала со всей силы, но откликнулась соседка слева, постучав по прутьям. — Девушка напротив! — скорректировала я обращение, мимоходом отметив, что здесь есть как минимум одна несчастная, понимающая меня. Ну или реагирующая на мою истерику — судя по тому, как она продолжает стучать по решетке, ни одного слова, сказанного мной, она не поняла, а жаль.

Продолжая звать соседку, еще больше уверилась в мысли, что ей плохо. Лишь бы не умерла...

Через полчаса моих усилий вдаль послышался топот. Наконец-то хоть кто-то решил навестить пленных!

Еще через пару минут в поле зрения появились два стражника. Их лица были мне незнакомы, и они совершенно точно выражали злость и гнев. Неужели они меня бить собрались? Именно так я думала, пока один из них остервенело вставлял ключ в замок.

— Там, — указала рукой напротив, — умирает девушка!

Если бы они меня понимали! Ворвавшись в камеру, охранник с силой толкнул меня на солому и что-то угрожающе рыкнул.

Секунду я боролась с собой: остаться лежать на соломе, как того хотели стражники, или все-таки получить пару ударов, но попытаться помочь сестре по несчастью? Я выбрала второе. Подскочив на месте, опять показала на клетку напротив, крикнув, чтоб осмотрели пленницу.

Звонкая пощечина сбила меня с ног. Сплевывая кровь, все равно поднялась, чтобы от нового удара тут же отлететь на солому. Да что ж такое!

— Девушке плохо! — повторила, скуля от боли.

Стражник, находящийся в камере, резко схватил меня за волосы и что-то пророкотал, но я упорно смотрела вперед, продолжая показывать на лежащее напротив тело.

Из глаз брызнули слезы, не покидало ощущение, что с меня скальп снимают.

Но вдруг мужчина, оставшийся снаружи, отдал какую-то команду, и меня отпустили. Переругиваясь с моим мучителем, он отпирал замок на камере той несчастной, которую я звала.

До них все-таки дошло! Я аккуратно села, подобрав под себя ноги, и ладонью стерла кровь из разбитой губы.

Варвары! Дикари!

В полном молчании наблюдала, как эти два неандертальца суетятся вокруг бесчувственной соседки, как разбивают какой-то камешек об пол.

Не прошло и пяти минут, как возле камеры началось столпотворение. Откуда-то набегали еще охранники и люди в длинных плащах. Они о чем-то переругивались между собой, жестикулируя, а потом разом обернулись ко мне.

Криво улыбнулась и помахала ручкой. Разбитая губа отозвалась новой струйкой крови, а затылок обожгло болью. Уроды!

Ко мне тут же кинулся один из мужчин в плаще. Мутными от слез глазами следила за его движениями. Он подходил медленно, осторожно вытянув руку вперед, словно я дикий зверек и меня нужно приручить.

Посмотрела ему прямо в глаза.

— Я не боюсь вас, — хмыкнула и опустила руки.

— Это хорошо, — по слогам произнес визитер, приблизившись вплотную. — Вы понимаете меня?

Странные они все какие-то! Одни за человека не считают, позволяя себе избивать пленницу, другие обращаются на «вы».

— Да. — Утвердительно кивнула, решив, что собеседник использовал магию. Во всяком случае, как еще объяснить тот факт, что языковой барьер исчез?

— Хорошо, — опускаясь на корточки, удовлетворенно сообщил незнакомец, — расслабьтесь, пожалуйста, тогда лечение будет безболезненным.

А вот зря он это сказал! Где вы видели человека, который после такой фразы начинает чувствовать себя комфортно? Я к числу подобных людей явно не отношусь. Естественно, я напряглась, зорко следя за плавными движениями местного доктора. И все-таки было больно. Нет, мужчина едва касался меня кончиками пальцев, но было ощущение, что меня пытаются электрошокером, а не лечат. Пару раз я вскрикнула, но потом взяла себя в руки. Меня ведь предупредили о болезненности процедуры. Даже стыдно стало. Я же не глупая, а веду себя как маленький ребенок. Поэтому, когда лекарь перешел к ране на голове, постаралась полностью отрешиться от происходящего и в этот раз почувствовала лишь щекотку и небольшое покалывание.

— Спасибо, — выдохнула, когда мужчина отстранился, — уже ничего не болит.

И даже улыбнулась, подтверждая свои слова. Губа больше не саднила, да и затылок огнем не горел.

— Хорошо, — сухо кивнул мой врач и повернулся к выходу.

— Скажите, а что с девушкой? — крикнула вслед.

Он вздрогнул, но не обернулся. И ничего не ответил.

— Она хотя бы жива? — не унималась я.

Лязгнул ключ, ставя точку в нашем общении. Замечательно просто! Местные жители не перестают меня удивлять. Интересно, а теперь меня покормят?

Я наблюдала за мельтешением мужчин, которые укладывали девушку на носилки, появившиеся из воздуха. Вздрогнула, краска стыда залила лицо. Бедняге плохо, а я только о себе и своем рационе думаю.

Тащить носилки довелось стражникам. Вызванные ими мужчины в длинных плащах сопровождали процессию позади.

Провожая их взглядом, я прижалась к решетке и мысленно пожелала девушке скорейшего выздоровления.